

Данил Файзов

Третъе
СОСЛОВИЕ

Данил Файзов

Третье сословие

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Файзов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ф18

Художник серии: Сергей Труханов

Д. Файзов
Ф18 Третье сословие. — М.: Воймега, 2015. — 52 с.

ISBN 978-5-7640-0178-4

© Д. Файзов, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Третье сословие

Мои предки не были аристократами,
не были священниками.

Третье сословие — тяглое,
крестьяне,
простолюдины.

Ничего удивительного, что я люблю пиво и футбол,
но удивительно, что бываю так ленив.

Ничего удивительного, что не знаю языков,
но удивляет, что почти ничего не умею делать руками,
так,
по чуть-чуть,
а занимаюсь, так сказать, умственным трудом.

Совершенно не удивляет отсутствие высокой духовности,
но странно, что не верю в доброго царя.

Встречаясь с людьми из других сословий, робеешь
и немного гордишься знакомством с ними.
Жизнь всё расставляет по своим местам.

Третье сословие — разночинцы, болтуны, разгильдяи.
Те самые троечники,
позор нации,
её хребет.

* * *

когда и воздуху отчитываться не за что
и в воду не войдёшь за просто так
горчит уверенность чаёвничает горечь
какое там случайно невзначай?
какое брату? я себе давно не сторож
червонец мятый и затерянный пятак

в пространстве тело дышит и смеётся
не ощущает ни вины ни пустоты
одето в новые и чистые одежды
ты сомневаешься что твой карман порвётся
что всё сорвётся чай остынет и прольётся

но руки вымыты и помыслы чисты

* * *

земля любила больше женщин и мужчин
земля любила видимых причин
одно непрекращавшееся свойство
так пенье птиц возьмёт и вырвет беспокойство
из глаз твоих из-под бровей из-под ресниц
из-под ресниц из-под бровей из-под морщин

раскрой свой зонт свои глаза свои очки
в земле копаясь не до сантиментов
учи язык болтай на эсперанто
все мысли вслух прочти прочти прочти

в те рубежи где нет земли и неба
устань свой взор лови сияние и плачь
и не моли тем более не требуй
в промозглый день демисезонный плащ

* * *

никогда не кончится детство говорила мячу татьяна
это пирог для которого ты собираешь щавель ревеня
и ни ты ни я не виноваты это барто это ей на рифму

наступил медведь
это корзины грибов это кружки для ягод это под молоко стаканы
это в учебнике русского языка слова деревянные
ты улетаешь в речку я остаюсь реветь

так и будет ты будешь плыть я смахну слезу
тебе ничего не станет даже если отправишься плыть в грозу

передавай привет рыбам мною не пойманным и лещу и сому
никогда ничего не случится что бы ни говорили

на чтении и письме
только сойдёт загар навсегда закончится лето
волга впадёт в атлантический океан
больше не буду плакать я буду думать об этом
об осени и зиме
и о себе разбившей молока стакан
только плыви по течению до самого края света

* * *

Рыбы устанут искать пропитанье в воде.
Серыми перьями двинутся к тёмному берегу.
Серыми мордами в поисках рыбьей америки
сунутся в гальку, в осоку. И больше нигде
их не увидишь. Легки ли твои плавники?
Помнишь, ты в юности так уходила от хищных,
что превращалась из лёгкой добычи, из пищи
в самую быструю птицу великой реки.

Что настоящее? Выйдем из мутной воды,
тронем песок и научимся странным глаголам.
Только круги на воде будут плакать от боли,
молча глядеть, как стираются наши следы...

* * *

Юлию Гуголеву

но не знаешь
чем заплатить за снег
и за воду с газом
столько золота в мире нет
и в крыму тем паче
ну а хочется чтобы всем
и возможно сразу
и возможно лучше
качественней богаче

не придумали той цены
что всего прекрасней
да мне не то чтобы
хорошо
но на то и гожусь
чтоб барахтаться и плескаться
отделяя от моря брызги
складным ножом

умиляться что солнцу
что брызге что гальке пляжа
коньякам-портвейнам
за всё говорить спасибо
вы плещитесь милые
во всех моих фляжках
золотые
рыбки

* * *

ни одного знакомого лица
и вообще ни одного лица
красоты
виды
и всё для одного чтеца
платона и овидия

в берёзах и полыни адреса
забыты и потеряны с листа
до самой смерти
считал до ста
всего что есть на свете

и провалился и порезался осокой
плескался сон он был рекой глубокой
горбушка зачерствела в рюкзаке
и проступала кровь из неглубокой
из ранки на щеке

* * *

Нате Сучковой

Когда ты уходишь, во мне начинается водка,
минутная слабость, портвейн и голодные люди.
Черёмушкин холод. И разница сладкое — горькое
ещё существует, но вскорости вовсе не будет.

И то, что спасение может быть в яблочном Спасе,
в ауканье гулком чуть-чуть незрелой ранетки,
поймётся лишь в то ароматное наше несчастье,
которое станет нелишним на выдохе лета.

* * *

но что с того что он когда-то рисовал
огонь и глину глину и металл
и вербу в воскресенье
и водку в день рожденья

прошло и это надо было знать
зима и лето время и зима
и это стихтворенье

и думать нечего
но краски растворил
но мелом по доске провёл скрипуче
но карандаш бумагу не порвёт
хотя заточен

что нарисует
может быть песок
волну и спину
гальку чайку плавки
и лето у него наискосок
настолько что
лишь плакать

* * *

Господи забери это лето обратно
со всеми делами которые я творил
за одно лишь не стыдно гулял по улицам
и нашёл колечко с зерном граната
и ещё напихал в портмоне капустных листьев
и воду пил

самые лёгкие листья у той капусты
я никогда не пил вкусной такой воды
Господи если её от меня отпустишь
наверное в том не будет для неё беды

запусти свои руки в мои карманы
найдёшь там колечко с пурпурным зерном граната
и просроченный проездной
и скажи мне любимый мой
что ещё сделать этому фанту

Лычаковское кладбище весной

Разница в ощущениях.

Южные кладбища поражают спокойствием,
умиротворением.

И даже тишина на кладбище во Львове
прозрачна.

В отличие от северных (Красноярск, Вологда, Екатеринбург).

Там мрачно
и гнетущая тоска тянет, тянет,
как то, что отличает скорбь от печали.

Свои могилы или чужие?
Наверное, не только в этом дело.

Красивые памятники,
надгробия,
белый камень?
Но вроде не Лувр и не Русский музей.

Прошлогодняя листва под ногами,
солнечные лучи пробиваются через сосновые ветви.
На львовском кладбище весной ждѣшь появления зелёных листьев
и продолжения жизни.

* * *

а когда ты память словно пиджак
повесишь на спинку стула
на семи ветрах прилетят к тебе молодые гости
и предстанет мир муравейником или ульем
оставляя в прошлом свои вопросы

и в каких местах будем попусту тратить время
в тех и будет кружить постоянство свои пластинки
потому что живут иголки у всех растений
что на взгляд твой беспомощный так
красивы

* * *

вот фотографии вот фотки посмотри
здесь много нужного а много наносного
здесь чудеса и отблески зари
и нас здесь много

вот мама ей всего семнадцать лет
вот средняя ей тоже лишь семнадцать
вот младшая из нас ей двадцать три
вот бабушка и ей немного лет
и сыну где-то возле двадцати
ну хорошо всего лишь девятнадцать

вот тут племянница волшебница сама
вот безобразья сына где-то в коктейле
вот дружба нерушимая сама
вот песня что мы пели и не спели
когда-то у костра
слова забыли

чего-то не хватает вот опять
друзья приходят ночь не происходит
сын в папиной футболке верховодит
и дядя Юра снова верховодит
и мы не спим они не спят никто не будет спать

ну и пускай все не уснут чего бояться
ведь их никто с утра не ждёт и будут жить
никто случайно не умрёт и неслучайно
а если только сильно постараться
на этих фотографиях пристрастных
им улыбаться жить и не тужить

* * *

Бабушка Клава несла этот груз сколько знала сил,
сколько знала лет для своих детей.

Говорила: «Сделаешь дело, и с плеч гора,
а то сколько её носить!» — но о том, что стара,
не могла говорить никак, потому как не износил
пиджака последнего старший из её сыновей.

Пусть что младше — те совесть несли иначе,
разве что младший старшему чуть помог
или напротив —

ну, он на то и старше.

Старший же сын был навсегда сынок.

Трое их было у бабы Клавы, каждый любим совсем,
то есть по-своему, но ежели та гора
падала с плеч, то любимый всеми
старший не смел отдыхать, он клялся с утра.

Долгая та зима и неспешно лето,
летом же бабу Клаву в пуховый гроб
так уложили, что младший рыдал об этом,
да и другой рыдал бы, и где тех слов

мне отыскать, чтоб умножить, отнять, прибавить.
Бабушка Клава,
малина уже не та,
да и гора задумала нас оставить,
сыновей твоих: Павла, Алика —

до того как доделали дело,
не успели они устать.

Два разговора о смысле смерти

...ангел с траурной каймою
по краям лазурных крыл.
Светлана Кекова

1

шаги остались в прошлом в тишине
как в детстве остаются дни рожденья
как отрочество оставляет дневники
как зрелость растеряет всех друзей
оставив сослуживцев в стороне
ступает старость прочь грядёт старенье
молчанье скромность нежность из руки
чужой глоток воды и далее везде

теперь тепло и память сохранить

2

стой малое храни себя храни
нет вкуса кроме вкуса земляники
нет счастья кроме кружки молока
но так и жизнь летит оставив след
ничтожный тем и ценный и ценимый
тяжёлый не примявший и травинки
ты ангела послушай а пока
чужие годы пролетят как сотни лет

и малое большого стоит как
теплеет кружка молока в твоих руках

Двадцать тысяч километров пробега

В девяносто седьмом году
на трассе М-8 с другом безнадёжно застряли
у населённого пункта Пречистое на второй день пути.

Будете смеяться,
и смейтесь.
Идти по трассе двое суток четыреста шестьдесят кмэ —
верх непрофессионализма,
но друг-буддист именно так понял суть стопа —
идти.

В этом Пречистом
мы стопили около куста ежевики,
она кололась.

Вспоминая об этом после двадцати тысяч километров пробега
и после того, как я ушёл в отставку,
в яндексе набираю слово «ежевика»,
кликаю на картинки.

Отчего после удара
по клавише «Enter»
на подушечке указательного пальца
выступает капля крови?

* * *

да я историк счастья и тепла
я архитектор иван-чая и мелиссы
черёмухи хирург и логопед
горнист прозрачного стекла
отважный зодчий вторников и сред
того что никогда не повторится

ботаник странствий в полуночных жигулях
филолог дорогого вискаря
паршивый химик физик беспокойный
я стоик ненакрытого стола
всё так красиво что совсем не больно
всё так красиво стало быть не зря

летели лётчики и плавали пловцы
а я провизор отмелей и тени
я оператор сотовой пчелы
я гороскоп в котором есть весы
что не выносят запаха растений
но вечно поровну легки и тяжелы

а есть стрелец попавший в молоко
и есть овен глодающий нарциссы
и водолей проживший много зим
художник притворившийся цветком
прозаик испугавшийся грозы
я человек который сам не знает что боится

* * *

пока она идѣт она летит
пока она летит она поѣт
она поѣт идѣт летит парит идѣт
о ней не знаю больше ничего

так человек прядѣт седые нити
так человек очки спросонья ищет
так я её люблю себе же вопреки
так я её прошу её руки

и я иду и я лечу и я пою
и я парю я тень отбрасываю но
летит её рука и я одно
летанье и паренье замечаю

мы с вами где-то кажется встречались
я ваше ситцевое платье узнаю

* * *

он так летел как никому летать
немыслимо и даже невозможно
парил орёл тревожно
и легко
журавликом бумажным
словом нежным
легчайшим пухом
и топлёным молоком

в тех облаках пушистых кучевых
что в руки просятся возьми меня возьми
и не просите пристегнуть ремни
сложить крыла
и выпустить шасси

* * *

одна надежда птицы вырастают
одна надежда птицы переждут
терпение крылато не растает
и пролагает собственный маршрут

течение небесных недотрог
касается лишь тонкостей небесных
им поклевать в преддверии дорог
морошку голубику бестелесную

лишь пенье их о том как мило дома
и тоньше ниточка багрового заката
и пёрышко той галки на ладонях
гляди же милая как пёрышко поёт
горит и бьётся плачет и крылато
красиво это пёрышко твоё

* * *

новые вопросы не случайны
новости уже напряжены
ножницы стрекочут за плечами
все коты и бабочки печальны
потому что больше не нужны

главный вывод надо постараться
не спеша но вовремя успеть
перечесть случевского и надсона
ощутить и горести и радости
и кота и бабочку согреть

* * *

Даниле Давыдову

жалая и плача говоря и споря
еле ворочая языком во рту набитом галькой
только дионисийское выдаёт в тебе насмешника трубадура героя
грудь в крестах как коньячная этикетка в медалях
на патриарших выпили и не узнали горя
счастье бродило рядом но мы его не узнали

только дионисийское ветрено талантливо высоколобо
лёт через край вырывается из гортани
выдохом после первой это такая свобода
занюхивать дрянной коньячок обратной стороной медали
ставить точку в конце строки словно заколачивая крышку гроба
говорить как же меня всё это достало
за какую мелочь нас опять купили
какое пошло нам опять продали

* * *

вышагиваешь от станции в сторону *шашлыки*
гремя сумкой полной расширителя языка растворителя мозга
гаранта счастья на берегу небольшой реки
сидит непонятно кто преувеличенно радостный возглас
относящийся скорей не к тебе
хотя самокритика и самоирония наверно поза
кричат конечно тебе а потом алкоголю что ты
приносишь и превозносишь

как неизбежное зло гитара и одноклассники с которыми
не о чем говорить
программа дружеского общения почему-то сбоят
водка горчит и шашлык горчит
но костёр жизнелюбиво трещит

что-то ты несомненно делал последние десять лет
как найти слова которыми рассказать
бухгалтеру ире и водителю троллейбуса максу
в данный момент ты словно купюра которой нет
и никогда не будет с любимого конька слезай
ты по сути ничем серьёзным не занимался

старик посиди ещё хоть немного останься
в пьяных глазах
читается

* * *

...страну, где настоящие мужчины
не в шахматы играют, а в футбол.

Игорь Белов

это наверное короткая скамейка запасных
сезон дождей и деепричастий
не делая не думая не слушая не взрослея
в районе улиц лесных новолесных
нелегала ведут в участок
переход улицы это пенальти безвыигрышная лотерея

молодость это когда разрешается крикнуть волк
но сейчас накручиваешь себя и нитку на палец
светофоры любители водители профессионалы
турникеты зубами щёлк
коньяка на глоток во фляжке осталось
белый клоун жив рыжий повесился но вошёл в анналы

ворваться на проезжую часть перед трамваем
словно в чужую штрафную площадь
и гордиться собою как лучшим другом
толстая тётка кроет правильными такими словами
ты словно попал под лошадь
и отделался лёгким испугом

жив и живи не делай глупостей не болей простудой
рано или поздно мы все там будем
сладко сосёт под ложечкой что *пошло не ново правда*
от чувства такой возможной утраты
в команде транспортных средств замена
появляется троллейбус номер пятый

Вампилов
из цикла «Читательский дневник»

Страшно сидеть с пистолетом во рту.
Жена говорит: еда в холодильнике, проголодаешься —
разогреешь.
Не забудь покормить кошку,
я поехала к маме.
Я в ответ мычу: угу.
И от этого всего становится менее страшно.
Как будто ничего не было — ещё не стемнело —
звучит радиопостановка — утиная охота — скоро.

* * *

Дмитрию Данилову

васильев много лет изучает москву
в день матча спартака и цска красный цвет шарфика можно
но рядом с ним ни белый ни синий
если играют динамо и зенит
синий приветствуется
но не белый и не голубой рядом с ним
в день матча локомотива надень шарфик зелёный
но чтоб на нём не было красного пусть даже пятнышка крови

много лет прошло
васильев понял
белые шарфы безопаснее
и может быть даже интереснее
с точки зрения стиля

* * *

Как жест нетвёрд, как время недвижимо.
На светофоре остановлена машина.
И вот ты катишься, и вот зелёный свет
тому, о чём и думать не пристало
во цвете лет.

Что сделал ты для жизни? — Не дорос.
И ручейки невыстраданных слёз...
Так одеянья неудобны и тесны.
Нелепа музыка, звучащая в эфире.
Прости её. Ведь все давно простили.
И прощены.

* * *

я стану вещью маленькой и нужной
быть может пепельницей
может зажигалкой
ещё бы авторучкой хорошо
чтоб затеряться закатиться между делом
куда-то за диван
в карман
и в лужу
чтоб тот кто ищет точно не нашёл

и знать о жизни самое простое
вот ты нашла меня и трогаешь рукою

* * *

вот наша жизнь наш персональный ад
мы так не любим чтобы нас ругали
но если вдруг случится что похвалят
но если вдруг смешное говорят

в нас варят кофе нас читают
нас курят пьют и любят
нас простят

* * *

Его любимой газетой был «Срок давности».
Маленькая такая газетка,
со штатом в пять человек и старичком,
регулярно приносящим свои рифмованные безделушки
о том, как хорошо жилось лет дцать назад.
Остальные писали занимательные репортажи:
о празднике города в Измайловском парке в девяносто втором году,
о первомайской демонстрации шестьдесят второго,
о том времени, когда цветы Восьмого марта было трудно достать,
и о том, что это было захватывающим приключением.
Нет, не все писали об этом — пятый сотрудник, женщина-бухгалтер,
в дни общегосударственных праздников резала колбасу и сыр,
накрывала один из редакционных столов чистой скатертью.

Его любимая газета продавалась не в каждом киоске.

* * *

разночинец летел на работу спешил запыхался
остановка-желудок-по-требованью-чебурек-на-Полянке
разумеется так хорошо на бегу но не хватит таланта
позвонить и сказать оставайся ну что ты останься!

через день отмечается праздник ещё через два
отправляется в отпуск и спешка проста и понятна
успеваемость выше и выше прилежна чиста и опрятна
от бессмысленных знаний свободна его голова

голова это главное мысли в порядке и если успеть
поселиться в метро между слоганов и объявлений
можно все интересные книги сложить на колени
и пока не увидел никто потихоньку стареть

нахождение себя и потеря лица умывание рук
становление нервным веселье и думы о ближних
разночинец молчит и вдыхает весеннюю свежесть
он задумался вдруг

* * *

семена при выходе из вагона метро
глядя в чужую спину вспомнить лицо подруги
так ли он хорош договор
по которому я оказываю услуги

те ребята что мяч пинают моложе меня
где же я растерял красивые годы жизни
и уже неважно что и на что менять
вот отчизна просится в рифму
ну вот
отчизна

так ли мне хорошо
что готов написать стишок
так ли чудесно
что не находишь места
где хорошо?
там где ещё
сладко солёно
может быть даже пресно

* * *

Хоть жонглируй, но выйдет чужая радость.
Тридцать человек, подброшенных разом,
рассыпаются, как домино и спички,
многоточия и кавычки.

Облачным временем общий градус счастья
переполняющий, безопасен
каждый звонок. Всё упавшее из ладоней
вдруг подбирается по карманам.

Если поймашь взгляд из чужого окошка,
то на ногах удержишься прочно.
Теперь уж смешон гололёд. И по-прежнему свой голос,
так увлечённый любимым парящим словом.

* * *

у тебя всё не так говорила москве природа
я вот меняюсь каждую четверть года
потому что всё должно отдохнуть от себя самого
а у тебя неизменны даже булошная и ништо
нет чтоб дать отдохнуть своему метро
хочешь я его снегом на зиму завалю
и бомжей твоих сторожей и собак дворовых
и отправим москвичей твоих на трамваях
или пусть зимой по домам
чтоб не шастали по январю
или вышли их на канары
и москва отвечает на то я здесь
что тебя-то спросить забыли
оттого что ты это я и есть
если вдруг кому непонятно
и велит столица звонить и петть
и стоят солдатики оловянны
и у них на кокардах-погонах пятна
а в руках боржом сулугуни вина
и батон нарезная смерть

* * *

город не очень понимает что делать
он зажмуривает глаза
он трогает себя за плечи требует ущипнуть
ему требуются тучи а лучше даже гроза
ему требуются жители
я не могу уснуть

пальцы ломая пробуя жизнь на зуб
я прохожу никитский ах боже мой
в уголках губ
тасс улыбается
где ж мне пойти домой

как я домой если тут тверской
если в студенчестве именно здесь портвейн
именно эти скамейки становятся мне доской
к которой я головою
склонён

и как случится затишье может такое быть
я отползу на сретенский и тогда
каждый здоровый покажется вдруг больным
каждый потерянный покажет мне кто куда

если дойду до чистых попробую предсказать
что наша жизнь предельна и молода
вот наконец-то пошла мать её гроза
город гордится собой где его года

* * *

как жаль что мы не посетили торжество
где были все милы великодушны
и песни пели только про того
кто не скрывал за пазухой оружия

но были там куда не звали нас
где пили водку яростно и склочно
где стол был яств
и жизнь равняется со службой срочной

драть глотку рвать рубаху на груди
привычно и не вызывая возражений
какой мы огород ни городи
не поздороваемся больше с отраженьем

* * *

куранты из пространства непростого
ещё не выбили ни шесть ни полшестого
а под лопаткой чешется свербит
две тысяча седьмой наполнит чарку
ты ждал весь год и вот тебе подарок
звезда с звездой говорит

ни день недели чаши не осушит
ни месяцу отравы пригубить
ты сам такой игривый непослушный
смотри в зенит

пока туманной горечью полны
пока все живы
приподними
и пусть же недвижимы
салаты ёлки мандарины иже с ними
глотни

а вечером придёт черёд гостей
но ты всё ни в одном глазу и скоро восемь
и в этот год из четырёх частей
зима весна красна и лето осень

ты был так добр прекрасен юн и тонок
что это никому не повторить
и сброшенная кожа как ребёнок
тебя касается шуршит и говорит

* * *

Н. Звягинцеву

я ужасу скажу ступай-ступай
тебе и календарь и просто время
ты будь не там никто не с теми
латунный крестик подмосковный рай
дешёвый шарф и новорожденный январь

я времени скажу лети-лети
отечество всё время виновато
когда молчит когда играет в карты
когда его хотелось бы спасти

скажу и не поморщусь Расскажи
сосновый дух и ранняя заря
кто русский дух считает с букваря
живущего обычно не по лжи

я памяти скажу постой-постой
упрямый чёртик прячет в табакерке
свидетельство о смерти
а жизни не скажу постой-постой

и верности и подвигам и славе
найду слова найду единственные те
что прозвучат и в тишине и пустоте
как птичий грай как глупое признание

молчанье далее и далее везде

Зимние каникулы

1

Снегирь, пролетев, оставляет в морозном воздухе след,
как будто шагнув в сугроб, будто бы всё забыв.
Словно кукушка, вылетевшая из часов в белый свет.
Из-под снега торчит пучок прошлогодней травы.

Выдохнешь белое, рыхлое. Прочитаешь следы.
Это куница, это русак, тут россомаха и серый волк.
Щёки румяны, что твой снегирь.
Это настоящее, а не какой-то там живой уголок,
дневник наблюдений, невыученный урок.

2

картинка из школьного учебника
дым из трубы перпендикулярен горизонту
почему-то вспоминаешь это
когда телевизор разворачивается к тебе кобзоном
и тебе не сдержать этого бессмысленного вращения
даже если закуливаешь сигарету

дым от которой также однонаправлен
центробежен и центростремителен одновременно
культ дистанционного управления не найдёт на себя управы
то что вокруг не имеет стоимости глупо зато бесценно

значит не смотри ни прогноза погоды ни еврспорта
уезжай в плацкартном куда-то где будет счастье
в карманах кредитка omnia mea mecum porto
началась реклама щелчок и она кончается

3

то ли куст терновый горит
инеем поражён как оружием тайным
то ли ветер застыл от холода и молчит
то ли снегурочка в тереме засиделась хрустальном
простужена ждёт скоро ли будут врачи
врачевать простуду малиновым и водкой с перцем
то ли в новую жизнь со спокойной душой
и не спится ни с кем не спеться
дышишь на пальцы глотаешь тёплое пиво

как бы шагнуть удачнее чтобы под лёд не провалиться
всё за редким исключением остывает
и ты ждёшь чтоб оно наконец остыло

4

постой покури паровоз твой на дальнем пути
и может ещё обернуться успеешь
и шапку натянешь и шарфиком шею
ещё обмотаешь и двинешься в сторону от
тебя ожидающей долгой дороги поди
не ждут тебя в этом купе или этой плацкарте
а ждут тебя разные фенечки фишки подарки
и встречи-знакомства и наоборот

какое сутулое время ну прямо зима
в жилетке оранжевой ходит нетрезвый декабрь
когда бы сентябрь или даже октябрь
но холодно пальцам сжимающим мятный билет
и психосоматика психосоматика психо сама
возможность остаться сникает и сходит на нет

* * *

уточни а то ничего не понял
так ли любо тебе одному
ничего не ладится кроме кроме
тех потешек которые никому
не знакомы ещё и не станет ясно
пыль полезна вода горька
смерть прекрасна пристрастна и деепричастна
всем кто отведал материнского молока
уточни и я больше не стану тревожить душу
я молчания не нарушу
только встану стеной за твоей спиной
даже если никто и не станет лучше
так любить всех сильнее и горше
и зимой и летом и осенью и весной

* * *

само собой случится разделенье
на тех что умерли
и тех что вырастают
из дедовых рубах до потолка

но жизнь сама решила как-нибудь сложиться
отдёрнешь руку обожжённая рука
крапива в строчку хорошо ложится
и ты её как родную воспринял
поскольку с ней на языке одном
ты говоришь лишь гласными простыми
их выдыхая в воздухе густом

* * *

простой глубокомысленный вопрос
о чём ты говоришь когда не слышит
ни собеседник твой ни за стеной
не шелохнётся невесомый ворс
ты думал говорил и не донёс

неси опять звезду и небосвод
ты слышишь форточка давно дождём поёт
так присягают роза и луна
я преклоню колени и застыну
смотри и ягоды и молоко и мёд
ромашки незабудки холостые
я присягну ладонями пустыми
жизнь теплится вот-вот произойдёт

* * *

Гене Каневскому

это о тебе идёт речь говорится сказка на скорую руку
это ты обещаешь увидеть великие реки
а значит обещаешь размолвку разлуку
каждое утро в поисках сигарет поднимаешь веки

о тебе на каждом углу говорят по тебе проедут
в электронных письмах и во всяких письмах во всех пределах
если вторник хорош то увидимся видимо в среду
многие тебя любят но с каждым годом ряды редеют

на твоих же плечах чудеса и ты слышишь родную речь
ты уже не боишься случайных встреч
и при них говоришь без заглавных букв
ты о них навсегда забудь
будет лёгок твой путь небывал невесом твой путь

* * *

не измерен шагами плацкартным билетом летом
путь в холщовых штанах на юг на восток на север
так стоит пассажир на перроне над ним комета
так стоит мужик на перроне рубли рассеяв

пирожки с капустой вареники пиво раки
вырастают из тех рублей как из чернозёма
колосится вобла цветут водяные знаки
почему же всё это вот так знакомо

и похоже на что-то скорее на те пути
что лежат вокруг пустотой звеня
но не в силах уже вести говорить цвести
по хорошему курсу четвёртый десяток менять

* * *

Игорю Белову

последние советские мальчишки
пьют кока-колу радуются жизни
цветут и пахнут верят и молчат
о всяком-разном ищут смысл жизни
и тащат что-то на своих плечах

разбив коленки расцарапав ранки
тархун эклеры буратино и баранки
не продаются ныне в дьюти-фри
и в середине самой страшной пьянки

они трезвеют

и мыльные пускают пузыри

* * *

художника воспитывало лето
кормило обещаниями грело
вытаскивало из-за пазухи цвета
когда же он на солнце ошалело
смотрел то думал что звезда
не может быть такого радостного цвета

но это и неважно и вода
в реке давным-давно достаточно прогрета

лес разве смешанный да нет скорее хвойный
забавный со смешинкой беспокойной
вот улыбнулась пихта за спиной

в кармане хлеб и соль и острый нож
художник шёл и думал вот идёшь
куда идёшь? наверное домой

в корзине одинокий жёлтый груздь
малины горсть черники лист ольхи
купальница и незабудка не хватает
лишь синего и летних красок нежный груз
художника в июле оставляет
для счастья может быть довольно чепухи

Содержание

Третье сословие	3
«когда и воздуху отчитываться не за что...»	4
«земля любила больше женщин и мужчин...»	5
«никогда не кончится детство говорила мячу татьяна...»	6
«Рыбы устанут искать пропитанье в воде...»	7
«но не знаешь...»	8
«ни одного знакомого лица...»	9
«Когда ты уходишь, во мне начинается водка...»	10
«но что с того что он когда-то рисовал...»	11
«Господи забери это лето обратно...»	12
Лычаковское кладбище весной	13
«а когда ты память словно пиджак...»	14
«вот фотографии вот фотки посмотри...»	15
«Бабушка Клава несла этот груз сколько знала сил...»	16
Два разговора о смысле смерти	17
Двадцать тысяч километров пробега	18
«да я историк счастья и тепла...»	19
«пока она идёт она летит...»	20
«он так летел как никому летать...»	21
«одна надежда птицы вырастают...»	22
«новые вопросы не случайны...»	23
«жалей и плача говоря и споря...»	24
«вышагиваешь от станции в сторону шашлыки...»	25
«это наверное короткая скамейка запасных...»	26
Вампилов	27
«васильев много лет изучает москву...»	28
«Как жест нетвёрд, как время недвижимо...»	29
«я стану вещью маленькой и нужной...»	30
«вот наша жизнь наш персональный ад...»	31
«Его любимой газетой был «Срок давности»...»	32
«разночинец летел на работу спешил запыхался...»	33
«семена при выходе из вагона метро...»	34
«Хоть жонглируй, но выйдет чужая радость...»	35
«у тебя всё не так говорила москве природа...»	36

«город не очень понимает что делать...»	37
«как жаль что мы не посетили торжество...»	38
«куранты из пространства непростого...»	39
«я ужасу скажу ступай-ступай...»	40
Зимние каникулы	41
«уточни а то ничего не понял...»	43
«само собой случится разделение...»	44
«простой глубокомысленный вопрос...»	45
«это о тебе идёт речь говорится сказка на скорую руку...»	46
«не измерен шагами плакатным билетом летом...»	47
«последние советские мальчишки...»	48
«художника воспитывало лето...»	49

Данил Файзов. Третье сословие

редактор: А. Переверзин

художник: С. Труханов

корректор, технический редактор: О. Тузова

издательство «Воймега»

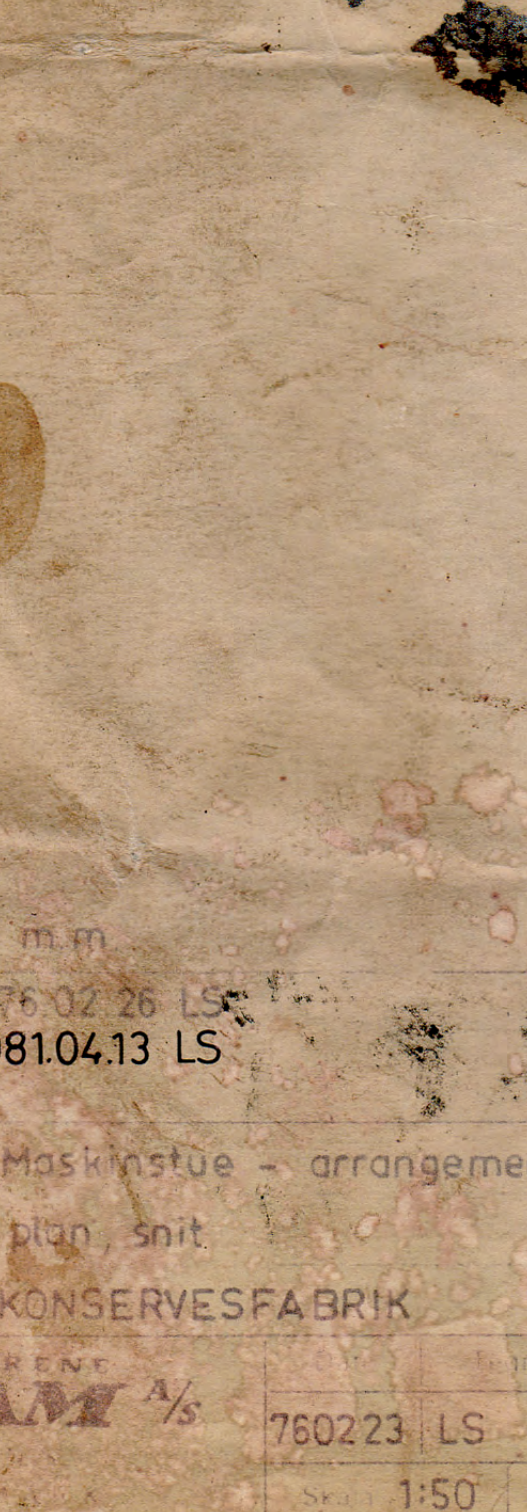
voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 31.03.2015.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3,25

Тираж 500 экз.

Эти стихи написаны «в одно касание», акварелью, с точным подбором деталей, и в них есть негромкая радость жизни — без патетики, но берущая за душу: очень молодая и чистая.

Геннадий Русаков

В стихах Данила Файзова присутствует энергия — не усталая энергия — человека из другого (не среднестатистического московского) курятника. Не знаю, может ли он «не писать» (помните расхожую мудрость?), а вот писать стихи он явно может. И пишет. И правильно делает.

Дмитрий Веденягин

В любом, даже самом, на первый взгляд, грустно-обречённом тексте Данила Файзова есть, выражаясь его собственными словами, «то, что отличает скорбь от печали» — разрешение, кода, выход к свету. Они примиряют с тем воздухом и тем временем, в которых нам всем приходится жить.

Геннадий Каневский